

СЛОВО, ИСПОЛНЕННОЕ МУЖЕСТВА И МУДРОСТИ

К 90-ЛЕТИЮ ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА КЛЮЧНИКОВА

24 декабря 2020 года исполняется 90 лет поэту, переводчику, эссеисту, путешественнику, автору 23 книг Юрию Михайловичу Ключникову. Его долгая жизнь вместила в себя очень много – счастливое довоенное детство на Левобережной Украине, эвакуацию из Харькова в Кузбасс, где он жил всю войну и даже успел несколько месяцев потрудиться как работник тыла, первые поэтические опыты в литературном кружке, учёбу на филфаке Томского университета, годы работы в городской многотиражке в Кемерово и на селе в качестве учителя, завуча и директора школы. Затем переезд в Новосибирск, где после долгих мытарств он устраивается корреспондентом на городское радио и уже через четыре года получает направление на факультет журналистики Высшей партийной школы в Москве, где его обучали лучшие преподаватели страны и где в его распоряжении была не только Ленинская библиотека, но и доступ к спецхрану. Он активно изучал философскую и религиозную литературу и много занимался самообразованием.

После двух лет обучения – возвращение в ставшую для него родной Сибирь уже в качестве главного редактора Новосибирского радиокomiteта. Ему ещё пришлось поработать главным редактором Западно-Сибирской студии кинохроники и редактором Западно-Сибирского издательства “Наука”.

Параллельно с внешней активной жизнью шла не менее активная внутренняя жизнь. Ю. М. Ключников серьёзно увлекся духовной философией Востока, идеями художника и философа Н. К. Рёриха. Как работник идеологического фронта он почувствовал угрозу распада страны ещё в 1978 году. С группой единомышленников он решил предупредить власть и предложил руководителям государства обновить идеологию, дополнив марксизм духовной философией Востока и религиозно-этическими идеями. За идеализм и защиту имени Иисуса Христа (осознанно к Православию поэт пришёл позднее) в 1979 году он был обвинён партийным руководством города в идеализме и богоискательстве. После трёхлетних партийных разбирательств (более 70 партсобраний, безрезультатно требовавших покаяния, дело дошло до ЦК КПСС и Политбюро) за свой нонконформизм и богоискательство (поэт думал об укреплении страны и отказался идти по пути диссидента) был уволен с работы из редакции и в дальнейшем шесть лет трудился грузчиком на хлебозаводе. В 90-е годы Ю. М. Ключников работал в издательстве, где издавал литературу гуманитарного характера и активно занимался общественной деятельностью: вместе с супругой, художницей Л. И. Ключниковой, почти 30 лет возглавлял общественную региональную организацию “Русский клуб”, проводившую вечера русской культуры.

На протяжении всей своей сознательной жизни Ю. М. Ключников писал стихи, а в студенческие годы пробовал делать переводы французской и английской

поэзии. Его долго не печатали по идеологическим соображениям даже после перестройки (поэт вступил в Союз писателей в возрасте 74(!) лет), но потом стали печатать в ряде журналов и газет: “Сибирские огни”, “Литературная учёба”, “Московский Парнас”, “Сибирский Парнас”, “Сельская молодёжь”, “Смена”, “Студенческий меридиан”, “Пушкинский альманах”, “Наука и религия”, “Дельфис”, “Литературная газета”, “Завтра”, “Независимая газета” (“Экслибрис”), “День литературы”, “Советская Россия” и др.

Однако главным журналом, где произошло настоящее творческое самоопределение Ю. М. Ключникова как писателя, конечно же, стал “Наш современник”. Здесь были опубликованы множество подборок его стихотворений, позднее вошедших в его поэтические сборники, и целый ряд статей, составивших книгу его эссе “Лики русской культуры”. Без журнала он едва ли бы состоялся и получил бы достаточно широкое признание как поэт и публицист. Поэт считает “Наш современник” своим родным домом и посвятил его главному редактору Станиславу Юрьевичу Куняеву отдельный очерк и несколько стихотворений.

Поэт за большую жизнь сделал много – написал 1600 стихотворений и перевёл 1400 стихотворений поэтов других культур. Основа поэзии Ю. М. Ключникова – патриотизм, поиск духовных корней, защита советских ценностей и героического начала во всех страдах бытия, звучащие и в его гражданской, и в “тихой” лирике. Последние годы поэт, следуя русской традиции “всемирной отзывчивости”, занялся художественными переводами мировой поэзии. Впечатляет объём сделанного: проработано целых пять поэтических цивилизаций – французская, персидская (суфийская), китайская, английская (сонеты Шекспира и поэзия шекспировской эпохи), индийская поэзия (книга ещё не издана, но закончена). Не менее впечатляет и временной охват сделанного: 8 веков французской поэзии, 12 веков суфийской поэзии, 30 веков китайской поэзии, 35 веков индийской поэзии! Поэт рассматривает эту задачу не как уход от активной борьбы за утверждение русских ценностей, но как попытку обогатить национальную культуру новым прочтением мировой поэзии, которую он заново реставрирует для современного читателя. Он старался отбирать из мировой поэзии Востока и Запада самое высокое и совершенное, что нашёл в ней и что совпадало с его видением.

Предоставим возможность самым разным литераторам высказаться о творчестве поэта. Обратим внимание, что половина из них тоже были постоянными авторами “Нашего современника” или хотя бы иногда в нём публиковались.

Редакция журнала поздравляет замечательного юбиляра с его славным юбилеем и желает сохранить такую же творческую работоспособность и молодость духа и на своём столетнем юбилее!

РОССИЙСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ О ЮБИЛЯРЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

“Каким-то кружным и долгим путём до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме” (1981).

ВАДИМ КОЖИНОВ

Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России (2000).

СТАНИСЛАВ ЗЛОТЦЕВ

Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет – волею недобрых сил – и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за “инакомыслие”!), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остаётся, по существу, стезёй обретения веры. Он пришёл к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России, как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников (2005).

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким “областным” писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооценённого в отечественной литературе, – это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием (2007).

СЕРГЕЙ ГОНЦОВ

Когда читаешь стихи сибиряка Юрия Ключникова, невольно вспомнишь и самого колоссального Шаламова, и Александра Межирова, и Арсения Тарковского, вовсе не благодаря какому-то стилистическому родству, но по причине родства духовного... да мало ли отчего ещё... В стихотворениях Ключникова (а наш автор ещё и замечательный учёный, эссеист, сказочник, паломник-очеркист и пр., то есть, как это принято говорить сейчас, – универсальный литератор), прежде всего, с удивлением и радостью обнаруживаешь отпечаток какого-то необыкновенного ландшафта, точно наяву странствуешь по Горному Алтаю или стоишь в Восточных Саянах перед могучим кедром. Возникает ощущение, что глядишь на срез яшмы или малахита, несущий разом тысячи изумительных картин. То есть тебя как бы уводят в “океанское безвластье” (Мандельштам).

Но как Шаламов изумляет вовсе не подробностями колымских широт, так и Ключников берёт читателя чем-то совершенно иным. Ну да, дух простора, небесно-земные скитания – всё это есть.

И тут же ловишь себя на мысли, что здесь царствует МЕРА, которую Автор и Модель (так скажем) определили друг для друга. Обыкновенно же в “сибирских стихах” эта чудесная мера просто игнорируется... (2007).

ЕВГЕНИЙ МАРТЫШЕВ

Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова – поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения “Русский клуб”... Превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смирением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот – мир в гармонии и согласии под эгидой Жиздителя, любимое, но неласковое Отечество и... вечная, неуывающая поэзия. В ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие (2007).

ЛЕОНИД ХАНБЕКОВ

Об этой потаённости миров – тех, что есть, тех, что были, и тех, что, возможно, придут, – многие стихи Юрия Ключникова, до поры до времени бывшие как бы вне закона, вне литературного контекста, вне творческого состязания, вне пространства поэзии. Но вот пришли к читателю его книги, и стало видно, как загадки и тайны нерукотворного мира, что окружает нас, могут обрести форму народных притч и легенд, глубину философских обобщений и орнаментальность древних легенд, узорчатую красочность поэм на исторические сюжеты.

Любовь и ненависть. Созидание и небытие. Земля и Космос.

Вечная тайна жизни всецело занимают его. С одинаковым упорством и жадой познания смысла жизни вопрошают Судьбу о планах Творца и русский неутомимый путешественник (бесспорное альтер эго поэта), и безмятежный ещё вчера турист, оторопевший от невиданных красот природы всего-то в сотне-другой километров от привычного жилья и прозябания, вопрошают и каменный идол в алтайских степях, и египетский сфинкс где-нибудь в древней Гизе... Строительство души, восстание её против пошлости и ханжества, против натужности и притворства – вот стержень его стихов (2009).

ЛЕВ АННИНСКИЙ

Юрий Ключников – замечательный сибиряк, “весёлый странник золотого века” – сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего

начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение (“Фаворский свет”) (2010).

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

Слово Юрия Ключникова – живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и вселенского. В его стихах “дышит почва и судьба”. А это вековечный “патент на благодородство”, как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет (2011).

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

*Я верю — допишется в Новый Завет
Апостольский грех большевистского подвига.*

Юрий Ключников

По ТВ выступал патриарх Кирилл. Произнёс вдохновенную, блистательную, прямо-таки актёрскую речь о возрождении веры, о богоотступничестве народа, о его преодолении, об искуплении грехов народных.

Но богоотступничество было преодолено во время Великой Отечественной войны.

Я помню, как калужские церкви были полны народу, более полны, нежели сегодня, а с осени 1943 года началось после возрождения патриаршества и приёма Сталиным высших иерархов Церкви то, что называется “симфонией Церкви и государства”. Да и богоотступничество народа возникло не в 1917 году, а гораздо раньше, о чём писал митрополит Вениамин (Федченков), который увидел упадок веры в 1913 году, когда страна праздновала 300 лет Дома Романовых. И что толку сегодня клясть “богоотступничество” советской эпохи, лягать мёртвого льва? Дело это пустое, и неблагодарное, и несправедливое. Богоотступнические соблазны сегодняшнего времени куда более глубоки и страшны, нежели советские соблазны.

Тогда разворачивалась борьба двух религиозных систем – христианской новозаветной и новоязыческой, той, что была выражена в словах Горького “Человек – это звучит гордо!”

В яростной схватке сошлись две религиозные аскезы. Но в нынешней религии “прав человека” тёмной, порочной и растленной гордыни куда больше. Да и для Христа главным врагом была не “светская” гордыня Рима, а тёмная власть золотого тельца, власть не римского булата над чадами человеческими, но иудейская материалистическая власть тридцати сребреников.

Советская гордыня богоотступничества была гордыней труда, подвигов, самопожертвования:

*По полюсу гордо шагает,
Меняет течение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек.
(В. Лебедев-Кумач)*

Царство Христа было не от мира сего, но, понимая это, сын галилейского плотника поставил пределы неотмирности: “Кесарю – кесарево”... А Сталин был кесарем. Нынешняя гордыня своеволия, греха и растления куда страшнее, нежели гордыня эпохи кесарей. Её победить почти невозможно. Куда легче молитвами и театральными проклятиями разгонять призраки коммунистического прошлого. Но свято место пусто не бывает: изгонишь из него власть кесаря – и тотчас же ворвётся власть золотого тельца и культ всех смертных грехов.

Лучше меня об этой трагедии написал в стихах мой старший друг из Новосибирска, поэт и мыслитель Юрий Ключников:

*Вы родине нашей вменили в вину
Публично с амвона ни мало ни много,
Что страшную мы заслужили войну
За власть коммунистов, отвергнувших Бога.
Ну, что ж, и церковный, быть может, погром
В 17-м тоже был горьким лекарством*

*За не сохранённый синодом Покров
Святой Богородицы над государством.*

*Но я-то в стихах не виню никого
За нынешние, за бывшие невзгоды,
Нам вместе бы с вами вернуть торжество
Священной войны сорок пятого года.*

*В ту пору связать нас сумела беда,
Сегодня же беды разводят в тумане.
Вы ждёте повинных? Примите тогда
За всех коммунистов моё покаянье.*

*Простите, что манны не ждали с небес,
Что, Бога не помня, творили молитву,
Что строили вместо церквей ДнепроГЭС,
Колхозы, метро, Комсомольск и Магнитку.*

*Что был, не мерещился, классовый враг,
Что с ним воевали, не прячась по затишкам,
Что гибли за цвета кровавого флаг
И верили батьке с усами, не батюшкам.*

*Но если вернётся на родину свет,
И знамя победное вновь будет поднято, —
Я верю — допишется в Новый Завет
Апостольский грех большевистского подвига.*

Аминь...

(2012)

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

У нас уж лета-то вон какие, и поэтический “дневник” Юрия Ключникова (а это “дневник” зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, “не уходит в запас”... Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести (2013).

СТАНИСЛАВ ДЖИМБИНОВ

Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке “тёмных” мест поэт взял на себя, о чём говорит он сам... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции (2014).

ФЕЛИКС КУЗНЕЦОВ

Юрий Ключников — один из самых умных и глубоких литераторов нашего времени. Я не буду говорить о его стихах, мне сподручнее говорить о публицистике и эссеистике сибирского автора. Мне очень понравилась статья Ключникова “Непонятый доктор” о Пастернаке. Поразила не только тем, каким лёгким, изящным слогом она написана, но своей глубиной и смелостью сопоставления “Тихого Дона” и “Доктора Живаго”. Я занимаюсь Шолоховым много лет и никогда не встречал, чтобы кто-то так интересно сравнивал Григория Мелехова и Юрия Живаго. Удивительно по своей точности само определение этих двух героев своего времени как “Русских Гамлетов”, каждый из которых мечется между двумя полюсами истории! А пастернаковский перевод Гамлета Шекспира — это заход к проблеме с другой стороны. Юрий Ключников пишет: “Пастернак восстановил облик подлинного Гамлета в своём великолепном переводе знаменитой пьесы Шекспира. И собственным поведением оправдал в русском интеллигенте то, что принимается за слабость”.

Обоих героев при всей их разности действительно объединяла “страстность в желании через все противоречия эпохи “дойти до сути”, даже ценой собственной гибели”. Автор “Ликов русской культуры” убедил меня в том, что мы раз и навсегда должны сказать, что Пастернак – глубоко русский поэт, прежде всего, потому, что он очень этого хотел (2014).

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

Высота духа – вот первое, о чём думаешь, читая стихи Юрия Ключникова. Высота, несгибаемость, гармония души и мира, абсолютный лад поэта с самим собой, что в принципе редкость в нынешней поэзии, скорее раздёрганной, нервной и дисгармоничной. “Это родина, это Россия, это почерк её вековой...” Постоянное ощущение “векового почерка” и даёт силу и мудрость поэту, что с высоты прожитых лет в состоянии найти самые точные слова о настоящем с упованием на будущее, мысль о котором сочетается с неколебимой надеждой на окончательную победу добра... Стих Юрия Ключникова прям и точен, как стрела, ясен и прозрачен, как ключевая вода. Он не обременяет его ни избыточной образностью, ни “тёмными” смыслами, ясными лишь ему и узкому кругу “посвящённых”. Он может показаться декларативным, но там, где невнимательный взгляд увидит лишь декларацию, на деле – прямая разящая мысль, чётко и кратко воплощённая. Ключников прост, как правда, открыт и притягателен, как русский пейзаж, столь любимый им. Читается книга легко – и в то же время проникновенно и естественно; не лукавая, чистая, мощная поэтическая речь захватывает читателя, уже не отпускает (2015).

ВЛАДИМИР КОСТИН

За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный – мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. И здесь не может не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и ощутимо полный, онтологически и художественно самодостаточный (2015).

СЕЙДАХМЕТ КУТТЫКАДАМ

Так получилось, что мне, журналисту из Казахстана, удалось ознакомиться с книгой “Караван вечности” ещё в рукописи, раньше, чем читателям России. И я, пользуясь случаем, решил высказаться об этой книге и о творчестве поэта, тем более что до этого я знакомился с его книгой “Душа моя, поднимем паруса!”. Я – горячий поклонник русской культуры, и поэзия Юрия Ключникова на меня произвела большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью. Это большая и настоящая поэзия. Всё, что пишет и переводит Юрий Ключников, несёт в себе особую одухотворённость и изысканную чувствительность. Что касается переводов, то они изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное – мудрость. Я родом из города Туркестан – родины Ахмета Ясави – и ещё застал последних суфиев, его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму. В суфизме два основных течения – поэтический ирфан и аскетический тасаввуф; в чистом виде они почти не встречаются, как правило, имеет место смешение их в той или иной пропорции. И в переводах Юрия Ключникова это можно различить (2016).

КСЕНИЯ МЯЛО

В России всё ещё появляются – хочется думать, будут появляться и впредь, находя своего читателя, – всё новые и новые переводы, давно уже, казалось бы, переведённых строк. Очередным подтверждением этому можно считать выпущенную в 2015 году издательством “Беловодье” уникальную книгу ныне живущего русского поэта Ю. М. Ключникова, в заглавие которой вынесена строка из Шарля Бодлера “Откуда ты приходишь, красота?”, а подзаголовком поясняет: “Вольные переводы французской поэзии XII–XX веков”. Уже одно это останавливает внимание – как по масштабу охваченного времени (шутка сказать – почти целое тысячелетие жизни одной из самых богатых частей поэтического наследия Европы!), так и потому, что не столь уж часто

переводчики сразу же, как говорится, с порога, сообщают о “вольности” своих трудов. При этом, как бы не довольствуясь только подзаголовком, Ключников дополнительно заявляет своё переводческое “кредо” в строках собственного, предпосланного всему сборнику стихотворения: “Мне важно из безмолвия былого // извлечь живую суть живой души”.

Тем самым давая понять, что речь для него идёт не только о достаточно “вольном” отношении к утвердившейся у нас переводческой традиции, предполагающей, в целом, сохранение всех особенностей оригинала – размера, строфы, системы рифм и даже, насколько это позволяет различие языков, созвучий, – но о чём-то большем, что выходит за рамки имеющего давнюю традицию спора (в своё время в нём принял участие и Пушкин) между сторонниками верности “букве” подлинника и теми, кто первостепенной задачей своей видел передачу “духа” произведения. А именно: о праве переводчика на открытый диалог с переводимым поэтом, в который, так или иначе, вовлекается читатель, а временами даже на договаривание за поэта чего-то, как представляется переводчику, недосказанного или недостаточно ясно высказанного самим поэтом. . .

А потому уникальной особенностью сборника французской поэзии, подготовленного Ю. М. Ключниковым, особенностью, которая, собственно, и побудила меня к написанию этого очерка, можно считать впервые, как подчеркнул в предисловии к книге “Откуда ты приходишь, красота?” литературовед С. Б. Джамбинов, предпринятую им попытку соединить под одной обложкой французских поэтов XII и XX веков. Это даёт читателю исключительную возможность самому проследить пройденный почти за тысячелетие бурной истории Франции путь и попытаться угадать, несмотря на небольшой объём сборника, объединяющие их общие, родовые черты. . . Читателю предлагается весьма качественное и объёмное собрание переводов французской поэзии, которая, как видим, каким-то образом блистательно состоялась (2017).

СЕРГЕЙ МАРКУС

Радостно быть современником Юрия Ключникова. В нём раскрывается новый тип русского человека.

Это истинно русский человек – в служении своему народу и своему языку. И это всечеловек – в лёгкой и радостной открытости французскому, индийскому, иранскому. . . Недаром же Достоевский говорил о “всемирной отзывчивости русской души” в Пушкине. Но ведь Пушкин лишь только начал открывать многие горизонты. . . и многого не успел. Так и Ключников – и не успел и. . . не успел. Отчего же так? Да оттого, что человек, нами видимый сегодня, не вечен, но, причастный вечности, проходит сквозь множество слоёв времени.

Очевидно, что и сибиряк Юрий Ключников до появления в России прошёл многие круги культур, языков и разных народов – отсюда и внутренняя память, и любовная отзывчивость. Очевидно, что возраст не умалит в нём жадности открытий, и он пройдёт ещё множество странствий, которых мы здесь не увидим.

А новизна для нас вот в чём: русское общество не позволяло ранее быть личности одновременно сразу в нескольких измерениях. Западное и восточное, христианское и исламское, да ещё индуистское. . . советское и древнерусское. . . Ничто не исключает ничего. Мир целостен, полифоничен, хоть для удобства познания и разложен по полочкам.

Ключников – русский всечеловек, многогранный, до конца невоплощаемый. Он каждому из нас показывает: не бойся быть искрой Вселенной, которая жаждет в тебе отразиться! (2017).

НИКОЛАЙ СЕРЕБРЯННИКОВ

Книга “Караван вечности” – настоящее историческое исследование: обор имён и произведений – это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасники мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце XX века. Она – итог долгого пути, результат проникновения в душевный строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни – своевременный и значимый культурно-исторический и даже политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё – и неизбежно преходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна – она говорит о непреходящей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И прекрасно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом “хочу всё знать и понимать” (2017).

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

Перед нами книга “Поднебесная хризантема” – соцветие, даже созвучие голосов. Это долгая, многовековая и многотысячелетняя музыка поэтического Китая. Это долгий, полный трудов и богатый успехами путь переводчика. Впрочем, переводы у него по праву становятся перепевами (в хорошем смысле), переложениями, художественным развитием китайской поэтической темы. За несколько тысяч лет своего звучания она прошла путь от глубокой древности до современного творчества такой, скажем, величины, как Мао. Эта тема чудесным образом развита и в смене поколений внутри рода творчества Ключниковых. Сын собирателя и переводчика снабдил книгу полезным комментарием и глубокими раздумьями, с которыми интересно знакомиться даже искушенному читателю.

Хочется надеяться, что эта преемственность обогатится новыми поколениями русских читателей, переводчиков и комментаторов. Предрешить нынешней антологии вековой успех, может быть, рискованно, но нет сомнения, что она найдёт отклик в душах множества читателей, а возможно, и новых переводчиков китайского поэтического сокровища. Вот та надежда, которая крепнет у читателей Ключникова и которая наверняка даст богатые плоды в будущем (2019).

МАРИЯ БУШУЕВА

Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него, и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую, если искусство не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и как в жизни, так и в искусстве ориентируясь на “чистейшей прелести чистейший образец”, противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлёк из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом, то есть представителем той уникальной породы истинных “аристократов духа”, которые всегда были в меньшинстве, а сейчас становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И, конечно, он остался верен своим идеям (2019).